

Олег Рой

Искусство выживания
или

ШАПКА *Live*

Шапка Live

Олег Рой

**Шапка live, или
Искусство выживания**

«Автор»

2016

Рой О. Ю.

Шапка live, или Искусство выживания / О. Ю. Рой —
«Автор», 2016 — (Шапка Live)

Читатель, ты, конечно, веришь в сказки? Кто из нас не рассказывал их, вернувшись домой позже положенного или отмазываясь от неинтересной встречи? Кто из нас не создавал их в своем воображении, заглянув в выразительные глаза сидящего напротив, совершенно незнакомого человека? А потому сказки уже давным-давно стали частью нашей с вами жизни и неудивительно, что они осовременились и, делая наше существование немного волшебней, сами слегка понабрались из него прозы.

© Рой О. Ю., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Книга третья	6
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Олег Рой

Шапка Live, или Искусство выживания

© Олег Рой

* * *

Книга третья

Читатель, ты, конечно, веришь в сказки? Кто из нас не рассказывал их, вернувшись домой позже положенного или отмазываясь от неинтересной встречи? Кто из нас не создавал их в своем воображении, заглянув в выразительные глаза сидящего напротив, совершенно незнакомого человека? А потому сказки уже давным-давно стали частью нашей с вами жизни и неудивительно, что они осовременились и, делая наше существование немного волшебней, сами слегка понабрались из него прозы.

Вот и герои нашей сказки уже не такие, какими увидел их знаменитый сказочник Шарль Перро, тем более что жить, а порой и выживать им приходится в нашем мире, и это отнюдь не проще, чем танцевать мазурку на минном поле.

Но что-то я заболтался, серым волком по земле рыская да сизым орлом под облаками летая. Пора добрым пирком да за сказочку.

Глава первая

– Я живу в Пансионате творчества, – неожиданно заявила Мария Ивановна внучке.

При этом бабуля завтракала свежесваренным кофе, смотрела по телевизору программу о здоровом образе жизни и отщипывала полезный зерновой хлебушек, который покупала в пекарне в соседнем доме.

– Ба, – встревожилась Красная Шапочка, в миру Оленька Разумовская, доставая из холодильника упаковку с салатом и апельсин. – Ты к чему это?

– А к тому, – Мария Ивановна снова отхлебнула кофе и, подумав секунды две, достала из кухонного шкафчика крохотную бутылочку миндального ликера и добавила в чашку. – Мои квартиросъемщики съезжают. Понимаешь? – Бабуля серьезно посмотрела на внучку. – У твоего любимого Волка есть небольшие разногласия с матушкой, как, впрочем, всегда бывает у зятя с тещей, и вам лучше жить отдельно.

Появившийся из ванной Волк уставился на Марию Ивановну с такой радостью, что актеры, получившие долгожданного «Оскара», могли спокойно отдыхать в уголке, попивая свежесжатый морковный сок и завидуя его искренним эмоциям.

Владимир Серов-Залесский был в тренировочных штанах и сверкал до половины обнаженного тела серой натуральной шерстью зооморфного тела. Голова Волка одновременно напоминала и красавца зверя, и человека.

Последней в семье проснулась матушка. Вышла на кухню и строго оглядела всю компанию.

– О чем ведете разговор? – сурово спросила она.

– О самостоятельности, – решительно заявила бабуля. – Пора нашим детишкам хлебнуть самостоятельности и, кстати, отвечать за свой семейный бюджет, а то за время проживания в твоей квартире, Алиночка, я истратила всю свою пенсию, но этого никто не заметил.

– Я сейчас, – засмутился Волк, метнулся в комнату, в которой с недавнего времени проживал с Красной Шапочкой, и положил на кухонный стол несколько купюр по пять тысяч. – Я как-то растерялся. То съемки нашего сериала, то озвучка, в общем, было некогда... Вы извините, Мария Ивановна и Алина Борисовна, расслабился.

– Ты нас прогоняешь из квартиры матушки или даешь возможность жить отдельно от вас?... – Тут Красная Шапочка, привыкшая жить почти в центре Москвы, решила уточнить: – Бабуль, а где у тебя квартира?

– В Марьино, – с оптимизмом ответила Мария Ивановна. – На Донецкой улице, на третьем этаже двенадцатиэтажного дома. И дом не старый, восьмидесятого года... Правда, без ремонта.

– Это далеко от Садового кольца Москвы? – заранее насторожившись, поинтересовалась девушка.

– Как посмотреть, – усмехнулась Мария Ивановна. – Кому-то и Камчатка – ближний свет, а кто-то через дорогу перейти не может. Но Марьино все-таки в Москве.

Бабуля сняла с плиты кастрюлю с полезной гречневой кашей, конечно же, без мяса и стала добавлять натуральное сливочное масло.

А в Красной Шапочке встрепнулись ее три Сущности Подсознания. Одна из них являлась Внутренней Богиней со стрекозиными крылышками и в прозрачном крохотном белом платьице, отвечающей за гламур внутри девушки. Другая сущность – Разумей Занудович, с внешностью мудрого гнома, все время напоминал о логике жизни и высказывал мысли умных людей в виде афоризмов.

И еще, как и в любом живом человеке, в ней жила непосредственная и наивная сущность, называвшая себя Девочка-Девочка.

– Ты чего это? – Внутренняя Богиня с недоумением смотрела на своего напарника, Разумея Занудовича, торопливо извлекающего откуда-то из бездн виртуальной ноосферы бронезилет четвертого класса защиты. Однако сие средство самозащиты Разумея почему-то не удовлетворило, и он, поцокав языком, переколдовал бронезилет в костюм сапера, защищающий от взрыва противотанковой мины.

– А то ты не понимаешь, – буркнул Разумей, облачаясь в это громоздкое снаряжение. – Сейчас такое будет! Конфликт бабули и матушки – это начало гражданской семейной войны.

– После перемирия, случившегося две недели назад? – искренне удивилась Внутренняя Богиня. – Кажется, у тебя, напарничек, начинается паранойя.

– Ну-ну, – покачал головой Разумей. – Ты как хочешь, а я встаю на защиту интересов Красной Шапочки, то есть и бабули тоже. Советую...

Впрочем, ничего посоветовать Разумей не успел. Как раз в этот момент матушка наконец отреагировала:

– И как вы уговорили нашу бабулю отдать вам квартиру?... – матушка переводила взгляд с дочки на Волка и обратно.

– Ты против? – удивилась и одновременно огорчилась Красная Шапочка.

– Доченька, – обманчиво-мягко сказала матушка. – Да, мы все любим друг друга, но квартира приносила деньги, и я в течение последних лет привыкла рассчитывать на самостоятельность моей матери в деньгах и даже небольшую помощь с ее стороны. Все-таки на проживание в Пансионате творчества она не тратится. Из-за ее экстрасенсорных способностей, привлекающих весьма состоятельных постояльцев, ей оплачивают двухкомнатный номер.

– Мама! – искренне изумилась Красная Шапочка, – Но ты же сама возмущалась, что Волк не так, как тебе привычно, выдавливает зубную пасту из тюбика и его кроссовки и туфли занимают половину обувной тумбочки!

– Слушай, ну чего ты к ребенку прицепилась? – вмешалась бабушка. – Я хоть и артефакт из дремучего прошлого, и то вижу, что девочка наша готова для самостоятельной жизни с любимым человеком.

– Мам! – ответила матушка. – Если ты думаешь, что я не вижу, как Красная Шапочка выглядит по-новому, то сообщу, что глаза меня пока не подводили, тем более чувство пре-

красного. Я не об этом, я совсем о другом. Как ты думаешь, сколько может стоить этот переезд через всю Москву?

– Откуда ж мне знать? – пожала плечами бабушка. – Дети сами должны все решить.

– Вот именно, мам, – подтвердила матушка. – А денег они в последнее время на своей киностудии не получали. Да это ладно, папаша нашей Оленьки поможет. Но что она возьмет на твою квартиру из моей?

– Я бы ничего не брал, – спокойно заметил Волк и налил кипяток из чайника в трехлитровую банку, лежавшие в ней сухие листики сразу же позеленели и, бодро вертясь, стали подниматься на поверхность. – Я за спартанскую обстановку и правильный образ жизни. Кровать, телевизор и стул для одежды... Да, для Красной Шапочки можно поставить шкаф. – И, не понимая, что сморозил, сел за стол, ожидая своего настоя.

Матушка устала на Волка, и не она одна. На Волка воззрились Красная Шапочка, бабушка, Красношапочкины сущности на этот раз в едином порыве. Ничто так не связывает, как прочная веревка или, на худой конец, неприятные обстоятельства.

– А джакузи там должно быть? – с угрозой принялась перечислять Красная Шапочка. – А холодильник для парфюмерии в ванной? А трельяж с зеркалами во весь рост? – Нахмурившись, девушка оглядела кухню, вспоминая, что еще есть в их с матушкой квартире необходимого для женщины. – А кондиционер с ионизацией воздуха и массажный душ?

– О чем ты молишься? – тихонько спросила Внутренняя Богиня у сложившего молитвенно ладони Разумей Занудовича.

– О лжи, – ответил Разумей.

– О лжи?

– Я молюсь, чтобы Волк первый раз за весь период нашего с ним знакомства не сказал правды, – пояснил Разумей Занудович. – С него-то станется, у него что в голове, то и на языке.

– Очень я сомневаюсь, что в квартире Марии Ивановны все это есть. С такими тратами придется мне до конца года перейти на роллтон, – пожал плечами Волк. – У меня пятьсот рублей осталось до полочки, крутись как хочешь...

– Но... – матушка растерянно хлопнула глазами, точь-в-точь как ее дочь. – Ты что же, все деньги нам отдал?

– Алина Борисовна, а что вас удивляет? – устало ответил Волк, взглянув матушке в глаза. – Я, честно говоря, сам не знаю, с какого перепугу, но для меня ваша дочь... как бы это объяснить? В общем, деньги – далеко не самое большое, что я готов отдать. Может, в наше время это не очень модно, отношения сейчас стали легкими и необременительными настолько, что в душе от них ничего не остается, кроме пустоты...

Волк поднялся из-за стола. «Какой он все-таки высокий», – некстати подумала Красная Шапочка – вставая, Волк едва не задел довольно высоко подвешенный кухонный абажур.

– А я какой-то старомодный, – продолжил он. – По крайней мере, в отношении чувств. Это вообще свойственно волкам, а у меня, наверно, особо острая форма, но я, Алина Борисовна, люблю вашу дочку. Очень люблю.

Налив в большую кружку целебного настоя, Волк ушел.

Три женщины переглянулись, Оленька медленно встала.

– Пойду одеваться, нам сегодня отсматривать телематериал.

Так и не сделав себе свежесжатый сок, Красная Шапочка прихватила апельсин с собой и вышла из кухни.

– Милый мальчик, – серьезно заметила Мария Ивановна, допивая свой кофе.

– Если ты имеешь в виду огромного зооморфа-ликантропа – то да.

– Ты сама по сути пантера, – не сдавалась бабуля. – И аура у Волка хорошая, я смотрела по картам Таро.

А с переездом нужно поспешить, не то матушка и Волк переругаются. И она затянула арию Снегурочки: «С подруженькой по ягоды ходила...»

* * *

В кабинете режиссера находились сам Лев Львович Брюковкин и продюсер Ашот Израилевич. Помня, что продюсер всеми силами пытался заставить ее выйти за него замуж, девушка не знала, как себя с ним вести.

– Ты, Оленька, не менжуйся. Я ведь тогда не со зла к тебе приставал, и деньги предлагал приличные, – спокойно заговорил Ашот Израилевич. – У тебя порода хорошая. И красавица, и вся семья талантлива. Если б только не кровь от гиены...

Конечно же Красная Шапочка не стала рассказывать, что бабушка придумала эту несчастную гиену, чтобы обезопасить внучку от домогательств помешанного на чистоте крови продюсера.

– Не хочу с вами разговаривать на эту тему, – все-таки произнесла девушка.

– А давай я куплю тебе машину, и инцидент, как говорится, исчерпан?

– Перестаньте, Ашот Израилевич, – рассердилась Оленька. – Вы лучше нам всем выдайте аванс. А то гонорар как-то внезапно закончился...

– У всех, Оля, закончился. Деньги были бы идеальны, если бы не неприятное свойство заканчиваться в самый неподходящий момент – потому что подходящего момента в таких делах не бывает. А у меня, заметим, сериал пока только в растратной статье. – Достав большой клетчатый носовой платок, Ашот Израилевич вытер мохнатый загривок рукой-лапой. – Не всегда можно вытащить деньги из бизнеса.

– Но как же нам теперь жить?

– У всех проблемы. Ты лучше, Оля, думай о творческих задачах, наращивай потенциал.

– Я стараюсь, – скромно потупилась Красная Шапочка.

– Откровенно говоря, – Лев Львович не терпел конкуренции и перетянул внимание на себя, – нельзя быть хорошим режиссером, актером, писателем, композитором, если у тебя нет крыльев, с помощью которых ты можешь взлететь, нет Внутренней...

– ...богини? – подсказала Красная Шапочка.

Режиссер удивленно на нее воззрился:

– Ну, можно и так сказать. И ты вовсе не сразу понимаешь, что, кроме нее, тебе нужно что-то еще, более приземленное, рациональное, не дающее разорвать связь с реальностью настолько, чтобы ее покинуть. Что-то такое, как...

– Разумей... То есть разум? – вновь подсказала Красная Шапочка.

– Ты удивительно точна, звезда моя, – мягко улыбнулся Лев Львович. – Вот именно. Эти две половинки очень долго не уживаются друг с другом и конфликтуют по малейшему поводу, но со временем начинают работать как одна команда. Тогда ты можешь состояться как творческая личность. А проблемы, как же без них?

– Вот именно у всех проблемы... – гнул свою линию Ашот. – Это кто? – он оглянулся на дверь.

В кабинет, быстро цокая ножками-вермишельками, вошла Плотва, в миру Эльвира Плотвина. Сегодня она отличилась особенно облегающего фасона платьем, обтягивающим ее широкие бедра, узкую талию и полное отсутствие груди. Декольте показывало передние ребрышки между двух сосков. Длина платья была вполне приемлемой, до середины тощеньких ляжек. Вышагивала девушка в серебряных лабутенах, в руке болталась сумочка, годная для ношения мини-косметички и плоского смартфона.

У Плотвы имелась потрясающая особенность – она была абсолютно асексуальна. То есть ни в одной компании, ни у одного зооморфа, несмотря на количество выпитого, она не вызвала желания прислонить ее к стенке бара, ресторана или квартиры... Уж насколько сокурсники по журналистскому факультету отличались повышенной тягой к противоположному полу, все равно на Плотву никто не польстился даже при отмечании в общежитии Нового года. Но Плотва не унывала. Она была уверена в своей исключительности и ждала принца.

– Это Эльвира Плотвина, моя однокурсница. Но все зовут ее Плотва.

– Мне обещали съемки! – с ходу начала качать права Эльвира.

Ближайшая подруга смотрела на Красную Шапочку с укором невинной жертвы, которой французский палач выжег на плече лилию, а прекрасным графом при этом даже не пахло.

– Но Эльвира, все решают продюсер и папа...

При появлении девушки взгляд Ашота Израилевича стал похож на тот, которым месяц назад продюсер смотрел на Красную Шапочку, только более плотоядным. Мужчина вскочил и поцеловал Эльвире руку. Осанкой Ашот походил на Панду на пенсии и еле доставал до плеча Плотвы. Зато летний шелковый костюм на нем выглядел на все пять тысяч долларов, которые он и стоил, и Плотва это оценила.

– Девушка, у вас потрясающие внешние данные. Где вы были раньше?

– Я вместе с Красной Шапочкой учусь, в одной группе на факультете журналистики. Только я мечтаю стать кинокритиком или вести свою колонку в глянцевом журнале, как мама Ольги.

– Вы идеал современной женщины, – восхитился Ашот Израилевич. – А вы умеете готовить?

– Как бы сказать... – замялась Плотва, явно наслаждаясь произведенным эффектом, – готовить мне не приходилось. У нас либо папа, либо домработница...

– Само совершенство! – не прекращал восхищаться продюсер.

– Лев Львович обещал снять меня в эпизоде, – весело лепетала Плотва.

Не переносящий отсутствия внимания к своей персоне, Брюковкин откинул назад львиную гриву и поправил джинсовую куртку.

– Она умеет отращивать хвост в воде. Хочу использовать ее в сцене в болоте.

– Я согласна сниматься бесплатно, – затараторила Плотва. – У меня мама богатая, она акула по своей сути...

– Совершенство! – Кажется, Ашот Израилевич всхлипнул от избытка чувств.

Внутренняя Богиня Красной Шапочки тяжело вздохнула: «Останемся мы без аванса».

– Не факт, – заметил Разумей Занудович, – надо Плотву настроить на Ашота и через нее попросить денег.

– Когда едем? – загорелся идеей Ашот Израилевич.

Достав из кармана сигару, Лев Львович понюхал ее и убрал обратно, не поджигая.

– В конце недели. Снимем эпизод в болоте и планы бабьего лета в лесу. Красота будет. У Волка и Красной Шапочки получится отпуск на две недели. Где, кстати, Серов-Залесский?

– На озвучании, – ответила Красная Шапочка.

– А сейчас обедать. Поедете вместе со мной, Эльвира? Я предлагаю сегодня попробовать итальянскую кухню.

– Я согласна, – решительно заявила Плотва.

Было понятно, что Ашот ей нравится и девушка согласна на все и сразу.

– Ну, наконец-то награда нашла своего героя, – с усмешкой заключилась Внутренняя Богиня. – Они такие разные, что найдут общий язык.

– «Случай – псевдоним Бога, когда он не хочет подписаться собственным именем». Так сказал Анатолий Франс, – вставил очередной афоризм Разумей Занудович.

– Я бы тоже съездила в ресторан, – откровенно облизнулась Девочка-Девочка.

Но тут Плотва, почувствовав что-то в настроении Красной Шапочки, решительно взяла под руку Ашота Израилевича.

– Я готова, можно ехать.

В кабинет зашли Волк и Леший. Ашот как раз пропускал у дверей Плотву, и нужно было видеть, с каким трепетом он обращался с девушкой.

– Я пропустил что-то важное? – спросил Волк у Красной Шапочки.

– Если я правильно понимаю ситуацию, то начинается самый необычный роман за последнее время, – подойдя ближе к столу режиссера, Красная Шапочка сделала умильное лицо. – Папа, мы хотим переехать в квартиру бабушки, а денег на переезд нет.

– Могу выделить вам на три часа нашу разъездную машину. Подожди, Оля... А что, твоя матушка будет жить одна или с Марией Ивановной?

– Одна, – с интригой в голосе объяснила Красная Шапочка. – Бабушка возвращается в Пансионат творчества.

– Ага, – с довольным видом заключил Лев Львович и, достав телефон, вышел в коридор. Вскоре оттуда донеслось: – Дорогая Аля, у меня в квартире потоп и пожар одновременно, то есть идет ремонт, жить негде, а снимать дорого. Можно сегодня я переночую у тебя?

– Та-ак, – Красная Шапочка улыбнулась.

– Может, Льву Львовичу предложить переехать в квартиру Марии Ивановны? – нахмурил брови Волк.

– Волк, вот ты умный человек, но ни фигя не понимаешь. Лев Львович хочет помириться с матушкой.

– Тогда точно необходимо переезжать. Пойдем перехватим машину, а то ее кто-нибудь заберет.

* * *

Днем в квартире Красной Шапочки вовсю кипела работа. При деле были все. Волк, под чутким руководством бабушки, собирал в самолично извлеченные с антресолей старинный чемодан и внушительного размера пыльный баул обуви и сумки Красной Шапочки.

Красношапкинский гардероб и нужные личные предметы (бабушка строго-настрога велела внучке брать только самое необходимое), признанные нашей героиней таковыми, сваленные в кучу, не достигли даже люстры и напоминали не Эверест, а всего лишь какой-то Казбек. Сама бабушка по мере своих творческих сил помогала Волку откладывать в углы комнаты, коридора и ванной лишнее.

Виновица торжества скрылась в ванной, где сидела в обнимку с новой сумочкой, в которую втиснула: шампуни, пенки, маски, зубные и ножные щетки, упаковки мыла, мочалки, терки для пяток, массажер и еще пятнадцать наименований предметов, без чего существование и минимальная гигиена совершенно немислимы. Она отказывалась видеть «разграбление» своего личного имущества, предназначенного для переезда.

Матушка же так и восседала на пуфике в прихожей и воплощала собой обиду и осуждение. Какое-то время она воздерживалась от комментариев, ожидая раскаяния со стороны

своих непутевых родственников, но эти балбесы успешно делали вид, будто вселенская скорбь матушки им до лампочки. Видя, что молчаливое осуждение не влияет на нечутких и толстокожих фрондеров, матушка перешла к осуждению словесному.

– Подумать только... – сказала она голосом, которым можно было, для пущей убедительности, озвучивать драматические моменты классических ужастиков, – я полжизни угрожала на то, чтобы воспитать, выучить, направить на верный путь...

– И у тебя это прекрасно получилось, – Мария Ивановна с неожиданным задором подмигнула Волку. – Но теперь пришло время моей внучке вступать во взрослую, автономную от нас жизнь, не находишь?

– Да она же пропадет! – отчеканила матушка. – Она же еще совсем-совсем ребенок! Она ничегошеньки-то не понимает! Ну ладно Оля, но ты, мама, склоняешь девочку к необдуманным, опасным действиям!

– Милая, вспомни, во сколько моя дражайшая доченька, хорошо знакомая тебе по зеркальному отражению, решила, что она самостоятельная особа? – Мария Ивановна быстро, пока не видела внучка, вытащила из чемодана две из пяти пар кроссовок и спрятала их в обувной тумбочке. – Чего ты ерепенишься-то?

– Потому что моя дочка уезжает из дому... – не вставая с пуфика, жаловалась матушка.

– А ты хотела пришить ее к своей юбке? Между прочим, те юбки, которые ты носишь, чересчур малы для подобной операции...

– ...в компании невесть кого, которого она знает без малого месяц...

– Вообще-то уже почти четыре месяца, – уточнил Волк, сражаясь с застежкой чемодана, который он заполнил так, что тот казался нильским крокодилом, из жадности проглотившим средних размеров слона.

– ...бесстыжего серого авантюриста, проходимца и...

– Между прочим, Алина Борисовна, я здесь, – уточнил Волк. – И все слышу.

Матушку этонисколько не смутило:

– Послушай, тебе полезно. Знаем мы вас, деятелей искусства с головами в облаках. Сделаете пакость и забудете, а нам расхлебывай.

– Абсолютно не понимаю, чем я успел заслужить столь лестную характеристику, – пожал плечами Волк.

– Ну чего ты на парня набросилась? – вступилась за нашего героя бабушка. – Он всего-то... В нашем мире волки веками живут рядом с людьми, и ничего, ни одного гомо сапиенса не съели, равно как и иных антроморфов или зооморфов, – продолжала защиту потенциального источника опасности бабушка. – Откуда у тебя этот непонятный расизм, я тебя этому не учила, вроде.

– Не съел, конечно... – сказала матушка тоном, полным ядреного скепсиса. – Мама, ты ж сама мне в детстве сказки читала!

– Аль, тебе сколько лет? – задала совершенно риторический вопрос бабушка. – Кажется, в твоём возрасте пора бы понять, что сказки – немного не то, что реальная жизнь! Волки не едят пенсионерок с их внучками на закуску, принцы давным-давно пересели с коней на «Бентли» и «Ламборджини», а скромные студентки средней внешности интересуют молодых миллионеров примерно как нашего Вовчика морковка.

– Вообще-то я люблю морковку, – уточнил Серов-Залесский, утрамбовывая в чемодан Красношапкино богатство, – хотя, откровенно говоря, не так, как хороший бифштекс с кровью.

– Не бывает дыма без огня, это во-первых, – не уступала матушка. – К тому же есть и другие неприятности, которые может причинить юной, неопытной девушке прожженный, разваренный до мозга костей голливудский мачо...

– У вас, Алина Борисовна, определенно литературный дар, – восхищенно сказал Волк, ненадолго оставив свои попытки закрыть кожаное чудовище и глядя на матушку с большим уважением. – И ваши статьи в журнале гораздо интереснее глубже, чем у других журналистов.

– Не подлизывайся, – строго велела матушка, однако было заметно, что она польщена комплиментом. Немного спустя она добавила: – Ты действительно так думаешь?

– Да что б мне мяса в жизни не видать и одними макдоналдсовскими котлетами питаться! – совершенно честно ответил Волк.

Матушка призадумалась, а бабушка тут же закрепила достигнутый успех:

– А я как раз заказала в нашей кулинарии на первом этаже самолепных пельмешков, думала, на завтрак отварю и со сметанкой...

Ответом на эту тираду было хоровое сглатывание слюнок всеми присутствующими во главе с матушкой: о вкусе самолепных пельмешек представление имела вся семья.

* * *

Читатель, ты когда-нибудь замечал, что день, когда каждый из нас с утра до ночи занимается домашним хозяйством, почему-то называется «выходным»? Автора это удивляло до тех пор, пока он не понял: выходной день – это день, к концу которого гарантированно выходишь из себя.

Квартиранты, съехавшие из квартиры бабушки, по мнению Волка, были людьми аккуратными, как лаборанты-вирусологи, правда, в помещении обнаружилось слишком много мебели, ковров и вообще лишних вещей, которые смело можно было выкинуть.

Но мнение квартирной хозяйки в этом отношении отличалось от волчьего диаметрально противоположным образом. Осуществив экспресс-обзор небольшой, но уютной двухкомнатной квартирочки, бабуля остановилась посреди крохотной прихожей, аккуратно под плафоном, в котором перегорела лампочка, и заявила:

– Ну и насвинячили. Не люди, поросята. Хотя, если вспомнить, они именно свиньями, как зооморфы, и были...

И она посмотрела на забытую на стене коридора фотографию. На ней две улыбающиеся физиономии супругов-кабанчиков, едва влезающих в рамку, отличались только прическами и наличием у мужа больших клыков, чем у жены.

Взмах руки Марии Ивановны послужил сигналом к локальному апокалипсису в одной отдельно взятой квартире. Женщины тут же бросились переодеваться в старые домашние вещи, Волк предпочел спортивные штаны, даже тапки не надел.

Серов-Залесский пылесосил, выбивал старые и очень пыльные ковры, коих в квартире обнаружилось две штуки и которые он не любил с детства. Он чихал, глаза слезились, но Волк терпел – авторитет Марии Ивановны был для него значимее проблем с пылью.

Он протирал окна, мыл полы, ванну, выносил с балкона какой-то хлам, в общем, делал вид, что он не псовый, а парнокопытный, к тому же упряжной. Впрочем, без дела не сидел никто: бабушка взяла на себя кухню и туалет, которые (в отличие от вымытой Волком ванны) к концу дня сияли, как хирургическая операционная перед приездом министерской проверки.

Даже Красная Шапочка включилась в хозяйственные работы: выставляла в холодильник купленные продукты и особенно рьяно расставляла в ванной все свои тридцать три баночки, тюбики, гели и мыльца. Отдельная полочка ушла под «пемзу» и бритвы, а на ее уголке поместили все пять предметов личной гигиены Волка.

К счастью, как говорилось выше, квартира бабушки мало чем напоминала элитный пентхаус, точнее, в среднем элитном пентхаусе можно было бы разместить пяток таких квартир, если не больше. А у маленьких квартир есть огромное преимущество – убирать их значительно проще. И времени это занимает меньше.

Бабушка занялась приготовлением ужина, поминутно сверяясь с рецептами в смартфоне. Она варила пельмени и резала летний салат.

– С первого дня замужества ненавижу готовить. Не научилась и учиться не захотела. Поэтому твой дед, самый частый посетитель пельменной на первом этаже, сбежал от меня через два года совместной жизни. Через неделю, правда, вернулся. Есть в женщинах нашей семьи то, что ценнее умения вести домашнее хозяйство.

– А кем работал ваш супруг? – отвлекся Волк от отжимания половой тряпки в ведре.

– Секретным научным сотрудником, – в голосе Марии Ивановны прозвучал характер. – И не спрашивай, я подписку давала.

– Ладно, с этим я согласен, – Волк накинул тряпку на швабру. – Но почему вас в семье не научили готовить?

Отвлекшись от смартфона, Мария Ивановна серьезно посмотрела на Волка.

– Потому что, Володенька, я из детского дома... И больше не задавай мне вопросов.

Красная Шапочка с помощью Волка подключила вайфай роутер, привезенный из дома. После Волк сообщил, что ему нужно на студию за байком, за любимым «Харли Дэвидсоном», прозванным «Герром Хуаном».

* * *

«Герр Хуан» мирно дремал там, где его оставил Волк, в актерской бытовке-вагончике. Серов-Залесский задумчиво почесал тыковку. Куда девать байк? Гаража в Марьино рядом с домом бабули не имелось, а в квартиру с собой мотоцикл не потащишь. Как бы ни хотелось, но Красная Шапочка будет против. А зря: вот кому мешает мотоцикл в спальне? Кажется, еще никому не помешал.

В принципе, от дома бабушки до киностудии можно было добраться и на общественном транспорте, всего за два-три часа, но, во-первых, Волк привык передвигаться по Москве на байке, а во-вторых, он слабо представлял себе Красную Шапочку, скажем, в метро, несмотря на то, что та, в принципе, до начала своей актерской карьеры вполне себе нормально пользовалась и метро, и трамваем, и автобусом. Но к хорошему быстро привыкаешь, и последнее время девушка привыкла передвигаться либо верхом на «Герре Хуане», либо в автомобиле киностудии. А такси для Волка сейчас было не по карману.

Тяжко вздохнув, Волк решил оставить своего металлического друга в стойле, то бишь в специальном отделении ангара на корме фургончика. В процессе этого ему захотелось сделать кружок по студии, так сказать, на прощанье.

Наверно, Вещий Олег, прежде чем отдать поводья верного коня, бессовестно оклеветанного язычником-волхвом, тоже проехал на нем вокруг великокняжеского двора. Но конь, в отличие от «Герра Хуана», питался подножным кормом, а не синтетическим, потому Волк, перво-наперво, проверил уровень онога в бензобаке «Герра Хуана». И тут выяснилось, что бензина в распоряжении стального волчьего коня ровным счетом на этот круг и имеется. А денег, чтобы накормить Россината, у Волка, естественно, не было. Круг пришлось отменить, «Герр Хуан» тоскливо занял место в своем стойле, а Волк, заперев онога, зашел в фургончик, сел на кушету и задумался.

А если быть совсем уж откровенным – он просто заплакал. Волки тоже плачут, а вы не знали? Об этом даже в девяностых фильм на Тамбовской киностудии сняли. Вряд ли вы его

смотрели, конечно, но название-то было на слуху. Но бог с ним, откровенно говоря, фильм получился неважнецким. О чем это Волк? О волках.

Волки, дорогой мой читатель, тоже плачут, и по тем же причинам, что и люди. Иногда эти причины бывают совсем смехотворными, например, отсутствие наличности в кармане. Серов-Залесский отнюдь не являлся скрягой, но иногда отсутствие презренного металла ощущается довольно болезненно.

Если бы Волк был один, чихал бы он на такие мелочи, жевал бы роллтон и полировал на досуге спицы «Герра Хуана», никуда на нем не выезжая. Но сейчас Владимир чувствовал ответственность не только за себя и свой мотоцикл, но и за доверившуюся ему девушку. В таком отчаянном положении он не был давно, только в студенческие годы. И именно это обстоятельство делало отсутствие денег столь обидным и болезненным, что довело нашего героя до слез.

Да-да, как вы помните, волки тоже плачут. Скупой волчьей слезой, которую можно поместить в стеклянный флакончик и поставить в витрину Музея редких вещей.

Впрочем, Волк был из тех, которые не позволяют себе расклеиваться надолго. Порефлексировав немного на стуле перед гримерным зеркалом, он решительно встал и принялся собирать необходимые для новой квартиры вещи. Сложив их в большую сумку, Серов-Залесский закрыл вагончик на ключ и, насвистывая мелодию песни «На поляне траву зайцы в полночь косили», отправился к выходу с киностудии.

* * *

В квартире Волк скинул кроссовки и прошел в гостиную. Обстановка в ней разительно изменилась. Во-первых, так тщательно пропылесосенный им ковер на стене был снят, свернут и водворен на балкон. На полу пылесборник еще остался, но Волк надеялся избавиться и от него. С дивана было снято покрывало, а со стола хрустальные вазы и конфетницы переместились в «стенку». Стало просторнее и легче дышать.

На полированной тумбочке восьмидесятых годов стоял привычный ноутбук, а также вазочки, шкатулка для бижутерии и орфографический словарь.

Поставив сумку у дивана, Волк тяжело сел на него и уставился в зеркало, висевшее на стене. Высокие уши его шевельнулись. А чего это он расстроился?

Встав и подойдя к зеркалу, Волк взгляделся в свое отражение: прекрасный экземпляр канис лупуса. Его внешность мачо тоже имеет ценность. Серов-Залесский востребован как актер, только небольшой перерыв в съемках подорвал семейный бюджет, но он обязан найти выход. В конце концов, Владимир может и вагоны грузить, такое тоже в жизни бывало.

Сторонний человек, не знающий нашего Волка, вряд ли заметил бы, что у него тяжело на сердце, даже если бы этот человек хорошо разбирался в волчьей физиогномике. Зная это, Волк спокойно вышел на кухню.

Но бабушка, во-первых, уже немного знала Серова-Залесского, а во-вторых, вероятно, имела отдаленное родство с Шерлоком Холмсом, так как наблюдательность и интуиция спорили с ее экстрасенсорными способностями.

– Только не говори, что у тебя на душе не висит камень и настроение выше среднего, – заметила Мария Ивановна, уже переодетая в домашнее платье и увешенная амулетами.

Сейчас она снова пила кофе и смотрела по телевизору программу не то «Голос», не то «Народные таланты».

Волк пожал плечами.

– Устал я очень, – сказал он, отводя взгляд. – А ведь все только начинается.

– Тут ты прав, мой друг, – отставив фарфоровую чашку, Мария Ивановна сделала телевизор потише. – Впереди забот уйма. Вообще, когда поживешь с мое, поймешь, что наша

жизнь и состоит из этих забот, тяжестей и лишений. И, как ни странно, не только жизнь, но и счастье.

Мой дорогой читатель, жизнь и вправду складывается из мелочей, но зарплату лучше получать крупными.

– Угу, – кивнул Волк. – Вот только от этого почему-то ну никак не легче. А Красная Шапочка где?

– Да спит уже, – улыбнулась бабуля, – умаялась совсем. Для Олечки это тоже потрясение, она привыкла всю жизнь у мамки за юбку держаться, несмотря на то, что юбка коротенькая совсем. Тебя, кстати, не матушкины ли утренние слова так из колеи выбили-то?

– А что, заметно? – у Волка не осталось сил даже удивляться. Перед переездом матушка сказала ему, кроме всего прочего: «Учти, Вовчик, дочь моя привыкла к определенному уровню комфорта. Твоя задача – его обеспечить. Не сможешь, не справишься – потеряешь ее».

Эта фраза засела в подсознании Волка, как гвоздь из китайской реплики французского ботфорта в пятке незадачливой модницы, и доставляла примерно такие же ощущения.

– Не всем, но заметно, – кивнула бабушка. – Страшно, небось?

Волк, в свою очередь, кивнул.

– Я в первый раз пробую жить семьей...

– Понимаю. И хорошо, что страшно, – улыбалась бабуля. – Раз боишься, значит, серьезно относишься. А раз серьезно относишься, то справишься.

– Не все зависит от нас, – ответил Волк. – Если бы все от меня зависело, то...

– ...жили бы мы все в шоколаде с ромовой начинкой? – подмигнула Мария Ивановна. – Не забывай, что я тебе сказала. В жизни даже котят просто не рождаются, что бы там по этому поводу ни утверждала народная мудрость. Но, как говорится, кто весел, тот смеется, кто хочет – тот добьется, кто ищет – тот всегда найдет.

– Или шею себе на этом свернет, – ответил Волк, потирая глаза. – Ладно, попробую не свернуть себе шею, она мне дорога как память. Пойду-ка я тоже спать.

– Иди-иди, Володя, – благословила Волка бабушка. – А я посижу, досмотрю музыкальный конкурс.

* * *

На следующее утро Волк проснулся раньше всех. Красная Шапочка, около которой он вчера пристроился, боясь даже дышать на нее, так и спала, сопя своим курносым носиком. Встав, Волк включил ноутбук и извлек из кармана джинсов мобильный телефон.

У Серова-Залесского было одно очень хорошее качество, и мне хотелось бы, чтобы это качество было и у тебя, дорогой читатель, если, конечно, ты еще не обладаешь им, поскольку речь идет об очень полезном во всех отношениях свойстве натуры, что волчьей, что человеческой.

Наш герой мог расстраиваться, сталкиваясь с какими-то жизненными неудачами или препятствиями; но никакая неудача, никакое препятствие не способно было выбить его из колеи, лишить той внутренней опоры, которая незримо присутствовала под серой шкурой Серова-Залесского.

Закусив кончик языка, Волк несколько часов кряду стрейфился по Интернету, то и дело отрываясь, чтобы сделать звонок.

Проснулась бабушка, сходила в магазин, и вскоре с кухни потянуло чем-то вкусненьким, но Волк не обращал на это ровно никакого внимания, он был занят. Наконец, после множества попыток, сопровождаемых отказами с одной или с другой стороны (порой Волку

выдвигали явно неприемлемые условия, на которые он не мог согласиться даже несмотря на отчаянную необходимость), ему улыбнулась удача.

– Вы могли бы подъехать прямо сейчас? – уточнил милый девичий голос.

Волк ответил утвердительно и, получив адрес, завершил звонок, после чего в темпе принялся одеваться. На сей раз он надел более скромный, но при этом неизменно элегантный черный костюм, туфли и белую рубашку. С отвращением повязал галстук, сунул в нагрудный кармашек белый носовой платок и поспешил на выход.

В коридоре его перехватила Мария Ивановна:

– Ты куда это с утра пораньше и даже не позавтракав? – удивилась она. – Вчера поздно приехал, сегодня с утра уехал. Хотя... – она приложила одну руку к амулету на груди, а вторую к амулету, висящему на шее у Волка. – Хотя все у тебя пока в норме и даже что-то такое, удачное должно случиться... Езжай.

– По делу, – оправдывался Волк. – Бороться, искать, находить и не сдаваться, как вы сами мне давеча завещали.

– Точно не хочешь перекусить? – на всякий случай переспросила Мария Ивановна. – Я купила в кулинарии прекрасные домашние котлеты.

– Хочу, – честно признался Волк, стараясь не дышать мясным ароматом, – но некогда, труба зовет.

– Погоди, деловой, хоть пару минут, я тебе бутерброд с котлетами сделаю, – предложила сердобольная Мария Ивановна. – Из моих рук тебе все на пользу, не сомневайся.

Волк хотел было отказаться, но невольно кивнул. К счастью, бабуля споро справилась с нехитрой кулинарной процедурой, и буквально через пару минут Волк уже выбежал за двери так, что позевывающая Красная Шапочка, выходящая из комнаты по направлению к ванной, только спину его и видела.

– Куда это он? – удивилась девушка.

– Дела у него, – ответила бабушка. – Все утро названивал куда-то, потом сказал, что у него что-то очень срочное, и сбежал.

Красная Шапочка была расстроена тем, что Волк с ней не попрощался, и потому захандрила так, что даже нарезанный Марией Ивановной полезный салат из зелени с сыром, даже чай с вареньем не в силах были разогнать ее меланхолию.

Затем Мария Ивановна тоже куда-то засобиралась, и Красная Шапочка с неудовольствием поняла, что все ее покинули. Не то чтобы девушку так уж угнетало одиночество, но почему-то именно сейчас оно казалось невыносимым. С тяжким вздохом Красная Шапочка отправилась туда, куда по всему миру уходят одинокие души, – в Интернет.

Тут ее ожидала приятная неожиданность в виде висящего на ее стене вКонтакте изображения подмигивавшего Волка. Текст настенной надписи гласил:

«Не хотел будить тебя, ты так сладко спишь. Надеюсь, я ненадолго. Вдвойне надеюсь, что не зря прокачусь, а куда – пока секрет. Но обещаю его открыть сразу как приеду. Можешь меня поругать, считай, что я уехал на экзамен:) Люблю тебя, твой Волк безмолвный».

Подобные текстикки сами по себе часто бывают довольно глупыми, что не мешает им приносить куда больше радости, чем заумные и пространные рассуждения на какую-нибудь, без сомнения, важную тему. Вот и у нашей героини, что называется, отлегло от сердца.

Умиротворенная, она пошла к старенькому советскому трельяжу, превращенному ею в туалетный столик, и принялась наводить марафет. Это занятие всегда успокаивало Оленьку и приводило в состояние безмятежности, как медитация буддистского монаха.

За этим священнодействием и застал ее Волк, вернувшийся домой часа через два.

Красная Шапочка была так увлечена, что не слышала, как Волк открыл замок, как вошел и даже как подошел к ней. Увидев его отражение в трельяже, она перепугалась немного, но Серов-Залесский присел рядом с ней и чмокнул в щечку, улыбаясь с довольным

видом гаишника, остановившего дорогую машину с блондинкой, превысившей скорость на встречке, будучи непристегнутой и с телефоном в руке:

– Прогуляться не желаешь? – спросил он. – А, кстати, Мария Ивановна где? Уехала в пансионат и не попрощалась?

– Такого она сделать не могла, – кокетничала с Волком Оленька через отражение в зеркале, но не улыбалась, показывая обиду на невнимание к себе. – Теперь бабуля привязалась к тебе не меньше, чем ко мне. Дела у нее какие-то тайные. Убежала, а куда – не сказала. Зато велела мне тебя покормить. Ты голодный?

– Конечно, я всегда голодный, – широко улыбнулся Волк. – А чем покормить?

– На сковородке котлеты, в холодильнике салат, в морозилке пельмени, – ответила Красная Шапочка не оборачиваясь и всюю показывая свою обиду. – Только я тебя кормить не собираюсь. Все сам, бессовестный. Просила тебя вчера занять денег у продюсера – ты отказался.

Улыбка медленно сползла с морды Волка.

– У него не было.

– У Ашота Израилевича? Не было? Денег? – акцентируя каждое слово, спрашивала Оленька.

– Значит, не было именно для меня! – рассердился Волк. – И не имело смысла унижаться, Продюсер меня терпеть не может.

– Перегнула ты палку, Красная Шапочка, – встрял в ссору Разумей Занудович. – На странице восемьсот двадцать три «Большой книги афоризмов» сказано: «Такт – это умение не говорить того, что думают все». А ты рубишь с плеча и обижаешь любящего тебя человека, то есть волка.

– Твое поведение не гламурное, – насупилась Внутренняя Богиня. – Так он на какую-нибудь другую девушку перекинется, он самый красивый мужчина, которого мы видели за всю жизнь.

– И давно пора завтракать, – напомнила Девочка-Девочка. – Голодать страшно вредно для кожи и внутренних органов. И Волка надо простить. Сердиться на него еще вреднее, чем голодать.

– Вовчик, извини, я была не права, – поспешно стала извиняться Красная Шапочка. – Я только немножечко докрашусь, хорошо? Ты чайник не поставишь?

Волк поставил чайник, затем доел котлеты с рисом. Потом заварил чай, приготовил соус из сметаны, кетчупа, чеснока и приправ, подогрел пельмени. Потом опять поставил чайник.

Наконец на кухне появилась Красная Шапочка все еще в любимом коротком халатике. Шелковым, переливчатом от синего до зеленого цвета, расшитом райскими птицами и огромными цветами небывалой красоты.

– Ну как я тебе? – спросила она. – Не очень страшная?

– Ты просто потрясная, – совершенно искренне ответил Волк и попытался провести лапой по ногам Ольги.

– Не сейчас, – отмахнулась Красная Шапочка, присаживаясь за стол. Волк сел напротив. – Теперь колись, где ты пропал?

Волк принял загадочно-довольный вид и вытащил из нагрудного кармана бумажник:

– Я решил, что питаться за счет Марии Ивановны или роллтоном как-то не по-волчьи, – неожиданно он посмурнел. – Кстати, у меня есть к тебе одно дельце.

– Какое может быть «дельце»? – снова начала свой язвительный монолог Красная Шапочка. – Отдал деньги не бабуле, а матушке. А это значит, что они уже потрачены на коммуналку, на СПА-салон и новую тряпку. Сдачи нам не видать.

– Хуже всего экономить деньги, лучше их зарабатывать в достаточном количестве, – авторитетно заявил Волк.

– Хорошая мысль, – согласилась Красная Шапочка, – но мы уже говорили на эту тему. В официантки, стриптизешки или массажистки я не пойду, а на остальных работах нужно ждать зарплату не меньше месяца.

– Оля, я нашел выход! – Владимир поднял вверх палец с большим подпиленным ногтем. – Я продан!

От неожиданности Красная Шапочка чуть не уронила салатницу, которую достала из холодильника.

– Как это «продан»?

– Торгую лицом и телом, – гордо объяснил Волк. – Буду рекламировать собачье питание. Говно редкостное, но зато нам хватит на пропитание, на оплату квартиры и даже на подарок для бабули.

– То есть ты будешь реально травиться?

– Придется, – вздохнул Волк.

И тут назойливый Разумей Занудович, раздобыв где-то огромный перфоратор, стал долбить изнутри Красную Шапочку муками совести.

Внутренняя Богиня зажала прозрачными пальчиками прозрачные ушки. Зато Девочка-Девочка, лениво пройдя к перфоратору, нажала на кнопку и молча вырубил агрегат.

– Давайте, конечно, вырубайте муки совести, – обиделся Разумей Занудович. – Но они никогда лишними не будут, а, зная Красную Шапочку, вполне справедливо полагаю, что и повод серьезный.

– Оля, ты что это побледнела? Я решился на вполне достойный эксперимент, и ты мне поможешь.

– Я тоже буду есть собачий корм? – ужаснулась Красная Шапочка. – В банках или придется грызть сухой?

– Все не так страшно, – захохотал Волк, при этом он хлопал себя лапами по коленям и вытирал слезы. Успокоившись, он продолжил: – Мне надо будет вести видеоблог, а я не умею и следить за картинкой в компе, и говорить текст. Попробовал вчера, но получилось плохо, хотя контракт со мной все равно подписали. Поможешь?

– Ух ты! – всплеснула руками Красная Шапочка. – А когда начинаем?

– Прямо сейчас, – скривился Волк. – Объясняю. Я подрядился целый месяц питаться только собачьими консервами «Ротемит». И выкладывать это все в Интернет.

– Прекрасно, – обрадовалась Оленька. – Начнем гримироваться.

– Подожди, я только пельмени доем. А гримироваться я не буду, для «Ротемита» я и так красивый.

* * *

Через час Волк сидел за кухонным столом, в новой футболке с принтом банки «Ротемита» и счастливой мультяшной собаки. Красная Шапочка выставила ноутбук, расставила колонки и на всякий случай положила рядом с ними анальгин, ношпу и слабительное средство.

– Здравствуйте, дорогие посетители моего канала, – сказал Волк хорошо поставленным голосом. – Для тех, кто недавно присоединился к нам и еще не ознакомился с содержимым...

При слове «содержимое» в глазах Волка на миг появилось какое-то тоскливо выражение.

– ...моего блога, вкратце напомню суть происходящего. Есть такая реклама: «Ваша киска купила бы «Вискас». У некоторых острологов подобный тезис, мягко говоря, вызывает сомнения. Они считают, что киска, будь она участницей товарно-денежных отношений, скорее продала бы «Вискас», чтобы купить себе куриной печенки или хотя бы минтая. В том-то и беда, дорогие зрители, что ни кошка, ни собака не скажут, действительно ли им нравится то, что они едят, хотя хозяевам этого бы очень хотелось. – Тут Волк отвлекся на воспоминания и проговорил, забыв о включенной камере: – А с голодухи и гамбургер проглотить, радуясь американизированному вкусу.

– Володя! – привела его в чувство Красная Шапочка.

– Ой! То есть хозяин хотел бы знать, действительно ли его собака счастлива от того, что он покупает ей тот или иной корм. Но у собаки не спросишь, не так ли? – Поморгав пару раз, как бы ожидая реакции аудитории или аплодисментов, Волк встряхнул ушами, улыбнулся и продолжил: – Так вот, я, Владимир Серов-Залесский, представитель биологического вида *Canis Lupus Sapiens*, проще говоря, ликантроп разумный, взял на себя миссию ровно один месяц питаться кормами для животных «Ротемит» всемирно известной компании «Хастле». Небольшое пояснение: несмотря на то, что я очень похож внешне на обычного серого волка в хипстерской футболке с принтом, мой организм, в целом, и желудочно-кишечный тракт, в частности, несколько отличаются от собачьего. Именно поэтому я добавляю в свой рацион немного посторонних продуктов типа домашних салатов, авокадо и яблок. И больше ничего. Так что основу моего питания... – При слове «питания» морда Волка на совсем краткий миг приобрела обреченное выражение, но затем он снова профессионально улыбнулся: – ...составляют баночные консервы и сухие корма «Ротемит», в чем вы легко можете убедиться, просмотрев все записи и подписавшись на мой канал, чтобы узнать, не околею ли я, в конце концов, – искренно добавил он.

– Стоп! – Красная Шапочка остановила запись. – Вовчик, ну так нельзя. Мало того, что ты строишь рожи...

– Я? – искренне удивился Волк.

– Ну не я же! – Красная Шапочка встала с кухонного диванчика. – Тебе ж сказали – никакого негатива! Иначе конец контракту, а ты уже получил аванс!

– Я же пошутил! – попытался оправдаться Волк.

– Вышло как-то не смешно, – заметила девушка. Она подошла и обняла Волка. – Я понимаю, как тебе тяжело есть это отвратительное мясо...

Уже полгода, как Красная Шапочка ударились в вегетарианство, вернее в «веганство», разрешая себе есть рыбу, яйца, а по праздникам кусочек курицы. Не исключено, что ее решение было принято после прочтения многочисленных статей в глянцевого журналах, просмотра телепередач и под давлением всеобщей моды. Волк, однако, ее увлечения не разделял.

– Если б «Ротемит» было мясо! – сказал он тоскливо. – Я бы жрал его захлеб три раза в день! Знаешь, я неплохо различаю вкус, но чтоб мне всю жизнь этот блог вести, если я понимаю, из чего они делают эти консервы. Похоже на прессованный полиэтилен, иногда с привкусом резинового сапога, есть еще эхо переваренных хрящей говядины третьего сорта и свиной шкуры вместе с щетиной. Собакам, которые это едят, надо пенсию по инвалидности давать, как жертвам бесчеловечных научных опытов.

– Меня сейчас стошнит, – начала падать в обморок Внутренняя Богиня, одевшись, как Леди Гага – в платьице из отбивных и в такой же шляпке в виде отвратительного куска бекона.

Поддержав Внутреннюю Богиню, Разумей Занудович не преминул заметить:

– «Хороших желудков куда меньше, нежели хорошей пищи», сказал Люк де Вовенагр, французский писатель на 240 странице «Большой книги афоризмов».

* * *

Мария Ивановна, уехавшая в свой Пансионат творчества, звонила каждый день и настойчиво приглашала в гости. Волк было рванулся собираться, но Красная Шапочка, не престаивая расчесывать свои золотые волосы перед зеркалами трельяжа, предупредила его:

– Милый, учти, этот пансионат – настоящий дом творческих сумасшедших древнепансионного возраста. Они там поют, декламируют стихи, ставят спектакли, концерты устраивают, и все это круглосуточно. Но главное их развлечение – сплетни. 80 % жителей пансионата – одинокие люди. Они всю жизнь посвятили творчеству, а о них забыли. И тут заявляемся мы! Я – родная внучка, а ты небольшая, но все-таки знаменитость, – отложив массажную расческу, Оленька совершенно серьезно уточнила: – Бабулю потом отравят из зависти.

– А я бы съездил... – начал загораться идеей Волк. – Там ведь столько бывших знаменитостей, такие яркие типажи...

Встав, Красная Шапочка поправила короткий подол шелкового халатика, и Волк отвлекся.

– Вовочка, у тебя эфиры два раза в день. В принципе один прямой эфир мы имеем право заменить на запись, выложив цифровое подтверждение сегодняшнего дня. Но, во-первых, выкладывается запись, а не прямой эфир, то есть снимается десять процентов за передачу, а во-вторых, ты купил для своего «Герра Хуана» какую-то блестящую штуковину, мы докупили два новых свитера для эфира и... деньги опять закончились.

– Конечно же они закончатся! – со смехом согласился Волк. – Ты ведь и о себе не забыла, Оленька, прикупила к осени плащик, к нему сумочку, а к ним ботильоны.

– Быстро на кухню, на съемку! – прервала Волка Красная Шапочка.

Пока Волк переодевался в новый бежевый свитер и светлые джинсы, выставлял банки с «Ротемитом», тарелку, ложку и хлеб, Красная Шапочка настраивала камеру и колонки.

– А может, и хорошо, что собачье питание не из натурального мяса? – задумчиво произнесла она.

От «крамольного» заявления Волк, резавший хлеб, выронил на стол нож.

– Да как ты можешь говорить такое? – до потемнения своих желто-золотых глаз возмутился он. – Это почему же?

– Потому, что ради этого мяса животных жестоко убивают в адских условиях скотобойни!

Если уж Красная Шапочка что-то втемяшила в свою прекрасную голову, вытеснить это оттуда было совершенно нереально.

– Ладно, – сказал Волк.

За прошедшие две недели он уже понял, что спорить с Красной Шапочкой абсолютно бесполезно – любое давление вызывало у нее либо возмущение, либо слезы, либо и то, и другое сразу, что давало совокупный эффект одновременно грянувших пожара, затопления и капитального ремонта.

– И вообще, – Красная Шапочка уперла «руки в боки», переняв жест своей матушки. – Утренний эфир необходимо переписать, ты окончательно перестал скрывать свои чувства, а точнее отвращение к «Ротемиту».

– Перепишем все или только последнюю фразу? – расстроился Волк.

– Последнюю, – вздохнула Красная Шапочка. – А всю передачу я в монтаже подотру и соштопаю. Помнишь, как ты сидел? Давай, садись так же.

Волк послушно принял позу, практически идентичную той, в которой пророчил себе скорый конец от проклятого «Ротемита».

– Не зря говорят, что Александр Пушкин, – бодро начал Волк, – это наше всё. Ему принадлежит одно из великих по простоте высказываний: «Не откладывай до ужина того, что можешь съесть за обедом», и все зрители, в особенности мужчины, обязательно со мной согласятся.

Красная Шапочка показала большой палец, одобряя правильность выбранного Владимиром тона, взяла со стола яблоко и потрясла им.

– Но монодиета никогда не бывает полноценной. ...Именно поэтому я добавляю в свой рацион немного посторонних продуктов, например зерновой хлеб, яблоки и салаты, но основу моего питания составляют консервы и сухие корма «Ротемит» самого широкого ассортимента, в чем вы легко можете убедиться, просмотрев предыдущие записи и подписавшись на мой сайт. – Подвинувшись, Волк взял яблоко из рук Красной Шапочки. В этот момент он вышел из объектива и показал рвотный рефлекс, отчего Ольга шлепнула его по лбу, призывая не отвлекаться.

– Дабы удостовериться в том, что скептики, утверждающие, – продолжил вещать Волк, – что собачьи корма делаются из отходов и неудобоваримы, абсолютно не правы. Может быть, какие-то и делаются, но не «Ротемит». «Ротемит» – гарантия здоровья и сытости вашего домашнего любимца.

Произнося эту тираду, Волк каждый раз не мог удержаться от небольшой доли похоронного юмора. И неудивительно – рядом с ним на столе уже стояла запечатанная пока еще консервная банка с вышеупомянутым «Ротемитом». С явно наигранным оптимизмом Волк вскрыл ее, выгреб содержимое на тарелку рядом с заранее уложенным Красной Шапочкой здоровым и очень полезным витаминным салатом из редиски, помидора и зеленого лука без соли и заправки, затем привычно уже наклонил голову и втянул воздух в ноздри, после чего изобразил на морде неземное блаженство.

Красная Шапочка некстати вспомнила, что, когда Волк попробовал проделать глубокий вдох впервые, ему сразу же потребовался визит в комнату, которую очень часто делают смежной с кухней, вероятно, для того, чтобы не надо было далеко носить кастрюлю с прокишим борщом. А может, как раз для подобных случаев.

После этого Серов-Залесский предусмотрительно стал вставлять в ноздри ватные тампоники.

Красная Шапочка сама понюхала «изысканное лакомство» для благородных пород собак. На ее взгляд, пахло вполне приемлемо, можно сказать, аппетитно, как китайские консервированные сосиски, которые она так любила есть в детстве. Но на Волка ротемитовский аромат действовал получше копытня¹ или ипекакуаны².

– А собаки это едят, – с удивлением говорил Владимир. – И нос себе не затыкают ничем. Странно.

¹ Копытень – ползучее полужадовитое растение, применяющееся для лечения желчного пузыря.

² Ипекакуана – травянистое растение, называемое в народе рвотный корень.

Впрочем, кроме запаха, существовал еще и вкус. Он хотя бы не вызывал тошноты, по крайней мере у Волка (как он сам прокомментировал, «едал я вещи и похуже в студенческие годы»), но и удовольствия не доставлял ровным счетом никакого.

Волк похудел, что хорошо было заметно Красной Шапочке, но не зрителям, поскольку шерсть Серова-Залесского скрывала худобу, но главное – он стал каким-то унылым, словно у него украли всю его жизнерадостность. И Красной Шапочке это совершенно не нравилось.

А еще вчера случилось небывалое. Укладываясь спать в общую постель, Красная Шапочка не ощутила ответной реакции со стороны Волка на ее обнимания и поглаживания плеч и живота.

– Меня мутит как-то неприятно, – с тоской объяснил Владимир и целый час извинялся и ворочался с боку на бок.

Вот тогда Оленька заверила Волка, что именно сегодня она сама не может заниматься любовью, но для себя решила укрепить рацион приятеля овощными салатами. А тот, встряхнувшись и нацепив профессиональную улыбку, продолжал мучить свой желудок и настроение...

– Как вы можете видеть, сегодня у нас на обед, – Волк покрутил перед камерой опустошенной банкой, – гуляш из тунца и лосося. Не стоит удивляться, рыба для собак не менее полезна, чем мясо, а, например, аляскинские ездовые лайки только лососиной и питаются и при этом проявляют просто чудеса выносливости, ведь им приходится быстро транспортировать тяжелые грузы по льду и снегу, перевозить людей с приличной скоростью и все это в крайне неблагоприятном климате. Тунец с лососем у меня в меню не впервые. На той неделе я его уже ел, хотя широчайший ассортимент продукции фирмы «Хастле Ротемит» позволяет в течение месяца не повторять одну и ту же пищу дважды... – Волк сделал паузу, потом вздохнул. – Потому что все равно их, похоже, делают из одного и того же гудрона.

– Ну, Вовчик, – Красная Шапочка успела остановить запись еще до того, как Серов-Залесский извлек из глубины собственного интеллекта свое огромное и выпирающее чувство юмора. – Так мы с тобой никогда не закончим!

– Ничего не могу поделать с собой, – смущенно ответил Волк. – Должен же я как-то компенсировать себе моральные страдания от поглощения этой малоудобоваримой субстанции? – Он махнул лапой и тяжело вздохнул: – Продолжаем!

Красная Шапочка включила запись:

– ...но некоторые композиции из этого ряда достойны отдельного упоминания. К тому же прошлый раз я готовил ризотто с содержимым этой банки, а сегодня решил побаловать себя ее содержимым в чистом виде, – Волк отважно набрал вилок неестественно-оранжевое месиво и принялся его поглощать, стараясь при этом аппетитно почавкивать. – Ах, тунец, о, восхитительный лосось! Оттенки вашего вкуса так приятно сочетаются между собой! Дорогие собаководы, можете не сомневаться – ваши любимцы останутся довольны, даже те, кто раньше рыбу на дух не переносил.

Впрочем, несмотря на все сказанное за кадром, Волк проглотил все, что было на тарелке, и даже вымочил кусочком бездрожжевого хлеба, похожего на провалявшийся несколько лет за шкафом ломтик ржаного кирпичика, остатки того, что компания гордо именовала соусом, после чего тщательно облизнулся.

– Откровенно говоря, я не отказался бы еще от одной такой баночки, – убедительно соврал он, – да кто же мне даст? К счастью, на вечер у меня заготовлен ливерный паштет из печенки «Ротемит». Напоминаю, что завтра я планирую в обед приготовить рассольник с телячьими почками «Ротемит» в желе, и в этом, как всегда, меня поддержит уже известная моим подписчикам Красная Шапочка, начинающая актриса.

– Котята, вы дома? – донесся из прихожей голос Марии Ивановны. – Я приехала вас кормить человеческой едой. Вовчик, ты мне поможешь?

– Кого надо загрызть? – спросил Волк, вставая с табуретки и выдвигаясь в коридор.

– Никого, по крайней мере пока. – Бабуля стояла посреди коридорчика, она сняла с себя бежевый плащ, при этом десяток амулетов на вязаном платье, представляющем собой арт-объект, зловеще стучали. – Достань-ка мне с серванта вазу, пожалуйста, я сама не дотянусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.